

Лиепинь

Эдгар

Голос Риги
г. Рига

РИГАС БАЛСС. Суббота, 27 января 1979 года

Все еще непознанный Эдгар Лиепинь

Эдгару Лиепиню посчастливилось — все годы своей творческой деятельности он провел в Государственном театре юного зрителя имени Ленинского комсомола. В коллективе, которым всегда руководили хорошие режиссеры и педагоги — Павел Хомский, Борис Праудин, Адельф Шапиро... Везло и с приглашенными режиссерами. Кроме того, в этом театре отсутствует так называемая система «звезд». Во многих постановках бывает только одна большая роль. Остальные — по большей части различные сказочные, легендарные, фантастические существа. И приходится думать, как сделать, чтобы тот или иной маленький эпизод подчинить замыслу спектакля и все же не остаться незамеченным в пестрой атмосфере сценического действия.

Эдгара Лиепиня мы всегда замечаем. Всегда видим, узнаем. Хотя он не одинаков, несет нам различные ощущения и настроения. У него даже глаза смотрят по-разному. То они недобрые, то острые, как глаза беспокойной птицы, а то они как два голубых, спокойных, светлых озера. А когда на своем юбилее Эдгар Лиепинь выступил в роли клоуна, его глаза напоминали два шарика на фарфоровом лице. Именно глаза актера говорят больше всего.

Одна из радиопередач об Эдгаре Лиепине не случайно называлась «Улыбка клоуна, душа трагика». Когда смотришь Лиепиня в роли, кажется, что актер хочет, чтобы мы разглядели его в двух планах, в двух противоречивых состояниях. Например, в пьесе Груздева и Форш «Алеша Пешков», посвященной детству Горького, есть роль Цыганка. Выступая в этой роли много лет назад, Эдгар Лиепинь уже тогда продемонстрировал основную линию своего творчества: заставить зрителя одновременно смеяться и плакать. И в минуту тяжелых переживаний человек должен найти силы для того, чтобы улыбнуться. Ни в одной из ролей мальчиков и подростков, сыгранных Лиепинем, не было ни тени дидактики. Актер умел для каждого образа найти какую-то индивидуальную черту, выразить в нем радость бытия.

Не знаю, как Эдгар Лиепинь создает свои образы, но кажется: это не плод умозрительных заключений, они вырастают из глубокого проникновения в жизнь, из наблюдений... Когда мы читаем в современных журналах о том, что теперешние выпускники театрального факультета профессионально и технически подготовлены для выполнения любой сценической задачи, хочется возразить: посмотрели

бы вы на Эдгара Лиепиня в роли Тиля, идеально сочетавшей в себе психологию и акробатику. Павел Хомский не мог себе представить актера, который не умел бы ходить по канату, стоять ногами вверх, эксцентрически мыслить и артистично жонглировать. И хотя актер приближался тогда к своему сорокалетию, он показал в Тиле ловкость циркового артиста вкупе с интересной внутренней жизнью образа.

Поэтому мы можем называть Эдгара Лиепиня синтетическим, думающим, тонким актером — ему все по плечу. Он мог бы быть на месте в любом театре, потому что умеет схватить особенность каждого автора, понять лишь ему присущий образ мышления. Когда мы видим Эдгара Лиепиня в роли графа Шабельского из «Иванова» Чехова, кажется: перед нами новая земля, которую не так-то легко было открыть и завоевать. На лице его героя блуждает горькая, ироническая, щемящая душу усмешка над своей жизнью. А жертва американского образа жизни Дик Хикок в инсценировке книги Трумэна Капоте «Дистанция без финиша! Сознание своей власти, жестокость, даже садизм прозвучали в этой необычной роли, одной из тех, с которыми Эдгару Лиепиню не часто приходится сталкиваться.

Тут никак не скажешь о со владении индивидуальности актера и образа. Здесь надо перевоплотиться до неузнаваемости, превратиться в человека, в возможность существования которого даже поверить трудно. И снова Эдгар Лиепинь доказывает, что актер может все, каких бы это ни требовало сил, внутренних мук и раздоров с самим собой. В таких случаях надо отвергнуть опасения, что роль тебе не удастся, и настойчиво работать, плести тонкую ткань образа, подобно тому, как это делает мастер сложнейшего гобелена.

Мы, зрители, и не подозреваем, сколько пота пролил актер. Он шлифовал свое мастерство так тщательно, что мы видим только одно — артистически легкую, виртуозную игру. В интервью юбиляр признался, что ему очень редко удавалось с первых же мгновений раскрыть то, что кроется в глубинах образа. Такой счастливый случай — баллады Мартинайтиса. Эдгару Лиепиню они показались настолько близкими его душе и чаяниям, что он тотчас же начал их разучивать, хотя прежде его всегда пугало чтение стихов. И сегодня актер счастлив, что этот автор так много дал ему как человеку. А зритель испытал радость встречи с еще одной

новой гранью таланта любимого артиста.

Любая похвала — это лишь скромная дань актерскому труду, отданному сцене. Многие образы пришли на эту сцену трудными путями. Поэтому юбиляру кажется несколько странным, что слова о его творчестве облекаются в эпитеты превосходной степени. Ведь в сущности работа Эдгара Лиепиня — пример молчаливой самоотверженности.

Г. Трейманис.

На снимке: народный артист Латвийской ССР Эдгар Лиепинь.

